

РУСАЛКА

Аркадий
Аверченко

Художник
Ольга Малиновская

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А19

Иллюстрации
Ольги Малиновской

Аверченко А.

А19 Русалка : [сборник рассказов] / Аркадий Аверченко. — СПб. : Аркадия, 2020. — 144 с. — (Серия «Black&White»).

ISBN 978-5-907143-79-1

Герои рассказов Аркадия Аверченко — обыкновенные люди, обыватели, живущие в стране, лишь недавно оправившейся от двух революций и мировой войны. Они не смотрят дальше собственного носа и в основном заняты удовлетворением своих насущных потребностей и плотоядных желаний. Посмеиваясь над этими странноватыми персонажами, Аверченко именует их веселыми устрицами, которые прячутся от жизненных бурь и потрясений в уютную раковину — маленький домашний мирок.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907143-79-1

© Малиновская О., иллюстрации, 2020
© Составление, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2020

Многие считали Аверченко русским Твенем, некоторые в свое время предсказывали ему путь Чехова. Но он не Твен и не Чехов. Он русский чистокровный юморист, без надрывов и смеха сквозь слезы. Место его в русской литературе свое собственное, я бы сказала — единственного русского юмориста.

Надежда Тэффи

Русалка

— **В**ы кашляете? — учтиво спросил поэта Пеликанова художник Кранц.

— Да, — вздохнул бледный поэт. — И, кроме того, у меня насморк.

— Где же это вы его схватили?

— На реке. Вчера всю ночь на берегу просидел. И нога, кроме того, ломит.

— Так, так, — кивнул головой третий из компании — угрюмый Дерягин. — Рыбу ловили, с ума сошли или просто так?

— Просто так. Думал.

— Просто так? Думал? О чем же вы думали?

Пеликанов встал и закинул длинные светлые волосы за уши.

— О чем я думал? Я думал о них... о прекрасных, загадочных, которые всплывают в ночной тиши на поверхность посеребренной луной реки и плещутся там между купами задумчивой осоки, напевая свои странные, чарующие, хватающие за душу песенки и расчесывая гребнями длинные волосы, в которых запутались водоросли... Бледные, прекрасные, круглые руки поднимаются из воды и в безмолвной мольбе протягиваются к луне... Большие

печальные глаза сияют между ветвей, как звезды...
Жутко и сладостно увидеть их в эту пору.

— Это кто ж такие будут? — спросил Дерягин. — Русалки, что ли?

— Да... Русалки.

— И вы надеетесь их увидеть?

— О, если бы я надеялся! Я только мечтаю об этом...

— Рассчитываете дождаться?

— Полжизни я готов просидеть, чтобы...

Дерягин в бешенстве вскочил с кресла.

— Будьте вы прокляты, идиоты, с вашими дурацкими бреднями. Встречаюсь я с вами уже несколько лет, разговаривал с вами, как с порядочным, нормальным человеком, и вдруг — нате, здравствуйте! Этот человек бродит по ночам по берегу реки! Зачем, спрашивается? Русалок ищет, извольте ли видеть! Бесстыдник.

— Вы не понимаете прекрасного! — сказал, свесив голову на грудь и покашливая, Пеликанов.

— Да ведь их нет! Понимаете, это чепуха, мечта! Их не существует.

Поэт улыбнулся.

— Для вас, может быть, нет. А для меня они существуют.

— Кранц! Кранц! Скажи ему, что он бредит, что он с ума сошел! Каких таких он русалок ищет?

Художник Кранц улыбнулся, но промолчал.

— Нет! С вами тут с ума сойдешь. Пойду я домой. Возьму ванну, поужинаю хорошенько и заваюсь спать. А ты, Кранц?

— Мне спать рано. Я поеду к одной знакомой даме, которая хорошо поет. Заставлю ее петь, а сам

лягу на диван и, слушая, буду тянуть шартрез из маленькой-маленькой рюмочки. Хорошо-о-о!

— Сибарит! А вы, Пеликанов?

Пеликанов грустно усмехнулся.

— Вы, конечно, будете ругаться... Но я... пойду сейчас к реке, побродить... прислушаться к всплескам волн, помечтать где-нибудь под темными кустами осоки о прекрасных, печальных глазах... о руках, смутно белеющих на черном фоне спящей реки...

— Кранц! — завопил Дерягин, завертевшись, как ужаленный. — Да скажи ты ему, этому жалкому человечешке, что его проклятых русалок не существует!..

Кранц подумал немного и потом пожал плечами.

— Как же я ему скажу это, когда русалки существуют.

— Если ты так говоришь, значит, ты дурак.

— Может быть, — усмехнулся Кранц. — Но я был знаком с одной русалкой.

— Боже! — всплеснул руками Дерягин. — Сейчас начнется скучища — розовая водица и нудьга! Кранц нам сейчас расскажет историю о том, как он встретился с женщиной, у которой были зеленые русалочьи глаза и русалочий смех, и как она завлекла его в жизненную пучину, и как погубила. Кранц! Сколько вам заплатить, чтобы вы не рассказывали этой истории?

— Подите вы, — нахмурился Кранц. — Это была настоящая, подлинная речная русалка. Встретился я с ней случайно и расстался тоже как-то странно.

Пеликанов жадными руками вцепился в плечи Кранца.

— Вы правду говорите?! Да? Вы действительно видели настоящую русалку?

— Что же тут удивительного? Ведь вы же сами утверждаете, что они должны быть...

— И вы ее ясно видели? Вот так, как меня? Да?

— Не волнуйтесь, юноша... Если это и кажется немного чудесным, то... мало ли что на свете бывает! Я уже человек немолодой и за свою шумную, бурную, богатую приключениями жизнь видел много такого, о чем вам и не снилось.

— Кранц!! Вы... видели русалку?!

— Видел. Если это вас так интересует — могу рассказать. Только потребуйте вина побольше.

— Эй!! Вина!

— Побольше!!

— Кранц! О русалке!

— Только побольше.

— Слушайте...

— Однажды летом я охотился... Собственно, охота какая? Так, бродил с ружьем. Люблю одиночество. И вот, бродя таким образом, набрел я в один теплый летний вечер на заброшенный рыбацкий домик на берегу реки. Не знаю, утонули ли эти рыбаки во время одной из своих экспедиций или просто, поймав в этой реке всю рыбу, перебрались на другое место, — только этот домик был совершенно пуст. Я пришел в восторг от такого прекрасного безмолвия, запустения и одиночества; съездил в город, привез припасов, походную кровать и поселился в домике.

Днем охотился, ловил рыбу, купался, а вечером валялся в кровати и при свете керосиновой лампочки читал Шиллера, Пушкина и Достоевского.

Об этом времени я вспоминаю с умилением...

Ну, вот.

Как-то в душную, грозовую ночь мне не спалось. Жара, тяжесть какая-то — сил нет дышать. Вышел я на берег — мутная луна светит, ивы склонили печальные головы, осока замерла в духоте. Вода тяжелая, черная, как густые чернила.

— Искушаюсь, — решил я. — Все-таки прохладнее.

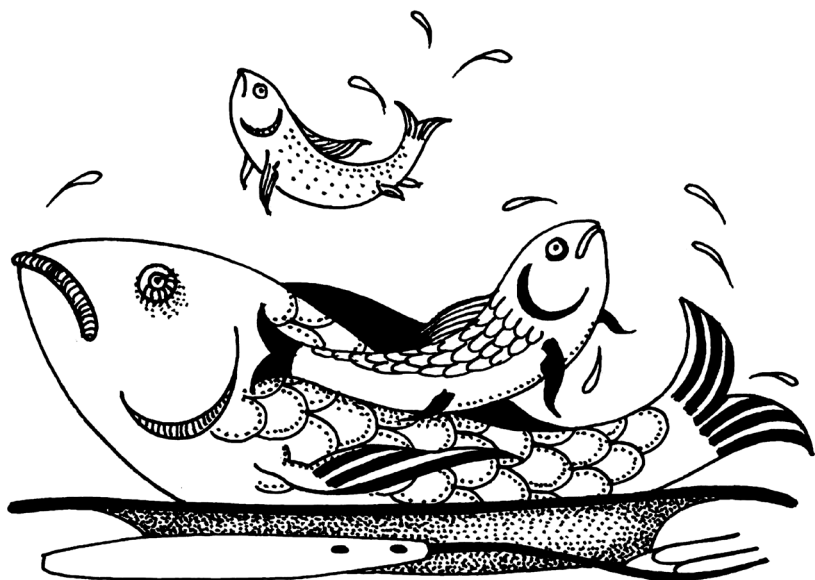
Но и вода не давала прохлады: свинцовая, теплая — она расступилась передо мной и опять сомкнулась, даже не волнуясь около моего тела.

Я стал болтать руками, плескаться и петь песни, потому что кругом были жуть и тишина невероятная. Нервы у меня вообще как канаты, но тут воздушное электричество, что ли, так их взвинтило, что я готов был расплакаться, точно барышня.

И вот, когда я уже хотел выкарабкаться на берег, у меня, около плеча, что-то такое как всплеснет! Я думал — рыба. Протягиваю инстинктивно руку, наталкиваюсь на что-то длинное, скользкое, хватаю... Сердце так и заныло... На ощупь — человеческая рука. Ну, думаю, утопленник. Вдруг это неизвестное тело затрепетало, забилося и стало вырываться... показалась голова... прекрасная женская голова с печальными молящими глазами... Две белые круглые руки беспомощно взметнулись над водой...

И, странно, я сразу же успокоился, как только увидел, с кем имею дело. Случай был редкий, исключительный, и я моментально решил не упускать его. Руки мои крепко обвились вокруг ее стройной,

гибкой талии, и через минуту она уже билась на песке у моих ног, испуская тихие стоны.

Я успокоил ее несколькими ласковыми словами, погладил ее мокрые волнистые волосы и, бережно подняв на руки, перенес в домик. Она притихла и молча следила за мной своими печальными глазами, в которых светился ужас.

При свете лампы я подробнее рассмотрел мою пленницу. Она была точно такого типа, как рисуют художники: белое мраморное тело, гибкие стройные руки и красивые плечи, по которым разметались волосы удивительного, странного, зеленоватого цвета. Вместо ног у нее был длинный чешуйчатый хвост, раздвоенный на конце, как у рыбы.

